

ИВАНОВА АЛИНА ПАВЛОВНА,
ПАРФУТА ЭЛЬВИРА АРТУРОВНА

ТИХООКЕАНСКИЙ ФАСАД РОССИИ: ОЖИДАНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ

Выдвигается концепт Тихоокеанского фасада России — особого культурного ландшафта, сформированного на востоке русской Евразии в XVII–XX веках. Тихоокеанский фасад России позиционируется как «воображаемая реальность» (по Ю. Харари) — коллективное представление, имеющее потенциал переформатирования рассматриваемого региона. Сравниваются «воображаемые реальности», предъявляемые столичным культуртрегером («взгляд снаружи») и собственными наблюдениями, собранными в ходе натурных обследований. Ставится под сомнение существующий сегодня «звериный» (тигр — медведь) ассоциативный ряд, маркирующий восточные территории. Изображения хищных тотемных животных полностью замещают сегодня культурные, «человеческие» символы, укрепляя в коллективном представлении образ Дальнего Востока как «дикого», «первобытного» края, не затронутого цивилизацией.

Ключевые слова: Тихоокеанский фасад России, «воображаемая реальность», Хабаровск, Владивосток.

Keywords: Pacific facade of Russia, “imaginary reality”, Khabarovsk, Vladivostok.

Израильский визионер Юваль Харари восемь лет назад (в популярной книге 2016 г. «Краткая история человечества») выдвинул теорию о важности «воображаемых реальностей» для развития цивилизации: «Способность создавать воображаемую реальность... позволяет множеству незнакомых друг с другом людей работать вместе. Даже более того: поскольку широкомасштабное сотрудничество основано на мифе, способ сотрудничества можно изменить, изменив сам миф, то есть, рассказав иной сюжет» [5, с. 44]. Харари писал: «Из огромного разнообразия изобретаемых сапиенсами воображаемых реальностей складывается то, что мы нынче именуем культурами. Любая культура с самого момента своего возникновения непрерывно меняется и развивается, и это вечное движение мы называем историей» [5, с. 49].

Настоящая статья является результатом промежуточного этапа работы над магистерским исследованием, посвящённым формированию Тихоокеанского фасада России. Сам предлагаемый нами концепт «Тихоокеанского фасада России» (далее — ТФР) — типичный пример «воображаемой реальности»: он существует только в нашем «ментальном пространстве», но от этого не является менее достойным объектом исследования, чем материально существующие памятники культуры. Мы пытаемся сформулировать основные характеристики ТФР, выделить этапы его формирования и спрогнозировать перспективы развития.

Выдвинутая гипотеза. Визуализации русского присутствия на востоке Евразии, зафиксированная в узнаваемых архитектурных образах (казарма, церковь, офицерское собрание, вокзал, школа, Дом культуры), предлагается рассматривать как единый проект, реализовывавшийся на протяжении трёх столетий.

Постановка проблемы. ТФР складывается из материальных элементов культурного ландшафта (архитектурных и средовых объектов, дальневосточных пейзажей) и — не в меньшей, а возможно, и в большей степени — из «тихоокеанского дискурса» (как Петербург во многом является культурным продуктом классического «петербургского текста»). В отличие от Центральной России, южных и западных регионов страны и даже сибирских туристических локаций (главными из которых являются Алтай и Байкал), Дальний Восток остаётся «слепым пятном» на «ментальной карте» Родины. Большинство жителей материковой России, никогда не бывавшие в наших краях, имеют крайне туманные представления о тихоокеанских городах. В коллективном сознании отсутствует чёткая, понятная картинка, являющаяся убедительным образом Тихоокеанской России и всплывающая в памяти при любом упоминании региона (как, скажем, у каждого при словах «черноморское побережье» встают перед глазами беломраморные колоннады

советских дворцов на фоне пальм). Для формирования узнаваемого образа Тихоокеанской России крайне важны визуальные репрезентации (самыми известными из которых являются банкноты в 200 и 5000 рублей с изображением символических объектов Владивостока и Хабаровска) и «дальневосточные нарративы».

Дальневосточные нарративы. Россия — традиционно литературоцентричная страна, авторитет печатного слова, даже сегодня — в эпоху гиперинформации — остаётся высоким (особенно для старшего поколения). Именно тексты конструируют для соотечественников «воображаемые реальности». Дальневосточное печатное слово почти не доходит до московских и петербургских читателей (за исключением книг Василия Авченко, практически в одиночку выстраивающего дальневосточный нарратив; о популярности В. Авченко свидетельствует то, что фрагмент его текста был выбран для Тотального диктанта в 2023 году). Однако не менее важен, чем взгляд изнутри, взгляд снаружи — объективная оценка стороннего наблюдателя, не отягощённого сантиментами и обязательствами «регионального патриотизма». Напомним, что классический корпус текстов о Владивостоке (получивших широкую известность благодаря издательству «Рубеж») написан в том числе и экспатами-иностранцами. Именно их глазами мы видим Владивосток начала XX века [1].

Поэтому легко представить себе энтузиазм, с которым мы приветствовали проект «Портреты русской цивилизации», стартовавший в середине марта 2024 года на страницах приложения к газете «Коммерсант Weekend». Проект призывал «думать географией» и обещал дать портреты нескольких десятков русских городов, двигаясь с востока на запад, начав с Тихоокеанского побережья.

Сегодня, когда мы пишем эти строки, опубликовано три статьи обещанного цикла: «Город в поисках центра» [2] (о Петропавловске-Камчатском), «Набросок города. Владивосток: освоение пейзажа зоной» [4] и «Город на парках. Хабаровск: победа деревьев над советским пространством» [3].

Автором цикла является один из главных архитектурных критиков страны — Григорий Ревзин, более четверти века выступающий медиатором между узкопрофессиональной архитектурной средой, представителями городских администраций / девелопмента и широкими массами, которым критик объясняет, как «понимать архитектуру». Культуртрегерскую роль Г. Ревзина трудно переоценить, но помимо журналистики он занимал серьёзные позиции в конструкторском бюро «Стрелка», по проектам и рекомендациям которого в течение последнего десятилетия были переформатированы общественные пространства в большинстве русских городов (например, для Хабаровска в КБ «Стрелка» был выполнен мастер-план, широко обсуждаемый сегодня в городе; в качестве примера типичного

стиля «Стрелки» можно привести реконструкцию хабаровской площади Блюхера в 2022–2023 гг.). Разумеется, нас не могло не заинтересовать намерение авторитетного московского журналиста донести до жителей России свои впечатления о дальневосточных городах.

Большинство дальневосточников в глубине души согласны с широко известным утверждением «Владивосток — лучший город земли!» и привычно умиляются его романтической красотой. Однако у Г. Ревзина дальневосточная столица оставила довольно мрачные впечатления: «Существенная особенность Владивостока в том, что в нём почти нет того, что мы называем “сталинским городом”. Обычно в большом русском городе дореволюционные регулярные кварталы продолжают довольно-таки величественными сталинскими, но тут эта часть истории как-то пропущена. Это не значит, что Сталин не отметился во Владивостоке — отметился, и ещё как, но иначе. Это был город лагерей, тут располагался Севвостлаг и Владивостокский пересыльный пункт, где формировались этапы на Колыму» [4]. Утверждение об отсутствии во Владивостоке достойного архитектурного наследия 1930-х – 1950-х годов нам кажется несколько спорным, достаточно вспомнить прекрасные приморские палатки, возведённые по проектам архитектора А. И. Порецкова. Однако трагичное прошлое искажает у столичного журналиста оптику восприятия города, но, «возможно, это абберрация зрения, вызванная страхом лагерей». Он видит «восхитительный пейзаж, как на средневековых китайских свитках, только граница воды и неба отрихтована в стиле сталинского лагерей» [4]. Вот ещё характерные цитаты: «...честно сказать, мне кажется, что на самом деле память о лагерях прекрасно сохранилась во Владивостоке в виде тех самых жилых районов, которые Хрущёв построил на их месте. Пятиэтажки ведь внешне не очень отличаются от бараков, да и строили их строительные управления, образовавшиеся после реорганизации Дальстроя»; «...где этот особый лагерный этос отношений с землёй сохранился — это в гаванях Владивостока и на Второй Речке, где вся гавань — полусвалка-полупромзона» [4] и т. п. Такой взгляд на прекрасный русский город нам кажется, по меньшей мере, тенденциозным.

В заключении статьи Г. Ревзин внезапно пишет о том, что «Владивостоку необыкновенно повезло, там в конце XIX века была... очаровательная женщина» [4] Элеонора Прей, и хвалит её «изящный» памятник у почтамта. Это несколько странный выбор культурных героев Владивостока. Помимо американки Э. Прей, чей род деятельности вызывает некоторые вопросы, столичный журналист с горячим сочувствием описывает трагичную судьбу О. Э. Мандельштама. Однако заметим, что при всей любви к великому поэту вряд ли его можно считать ключевой фигурой «владивостокского нарратива».

Резюмируя вкратце впечатление о трёх первых статьях цикла «Портреты русской цивилизации», мы можем сделать вывод, что его автор восхищён диким великолепием дальневосточной природы и удручён безобразием существующей застройки. Исключение он делает для Хабаровска, характеризуя архитектуру его исторического центра как крепко-профессиональную. О Хабаровске Г. Ревзин пишет: «Город, загадочный тем, что он хорош» [3], недоумевая, как индустриальный постсоветский краевой центр, растянутый вдоль Амура на сорок километров («промзоны на половину или больше превратились в свалки металлолома, к ним примыкают военные части и микрорайоны хрущёвок и брежневок, тут и там бараки, сараи и гаражи, в центре площадь Ленина» [3]), производит впечатление «зажитого и довольного собой города». Объяснение этому Г. Ревзин видит в высоком проценте озеленения и, отвечая на самому себе заданный вопрос, «что же делать... с бесконечной “селитьбой”, с промзонами, с километрами бетонных заборов, с автовокзалами с рынками с шаурмой, с сараями продмагов и колониями гаражей — ведь нельзя же это всё снести, ведь это и есть русская цивилизация», предлагает по примеру Хабаровска «просто засадить всё деревьями — и будет тебе счастье». Заметим, что данная характеристика «русской цивилизации» кажется сомнительной.

Характерен выбор символических объектов Хабаровска, предложенный столичным журналистом: двадцатиметровый скелет кита (который показался Г. Ревзину «прародителем города»), тургеневская лестница, расписанная амурскими рыбами¹, памятник Е. П. Хабарову на привокзальной площади («работы Абрама Пейсаховича Мильчина», как бы намекая уточняет Г. Ревзин), руины мельницы у Амурского моста (который Г. Ревзин называет «Домом архитектора» и «самым известным зданием города») и, конечно, сам гигантский мост через Амур. Фраза о том, что «тут и там натыкаешься на больших каменных обезьян», привела жителей города в лёгкое недоумение, так как, кроме пары маленьких обезьянок у краеведческого музея, ничего больше на ум не приходит. В тексте упоминаются два «сильных памятника войне», храм Серафима Саровского («нарисованный, кажется, с рериховской церкви Святого духа в Талашкино») и «сексапильный» памятник «Даме с собачкой» «в платье с разрезом до бедра и декольте без бретелек» (о существовании которого не подозревают многие горожане).

Статья в «Коммерсанте» горячо обсуждалась хабаровчанами, и нельзя сказать, что они в массе были польщены вниманием московской знаменитости. Постоянные отсылки к «каторжному» разбойничьему прошлому, намёки на «чисто

¹ Заметим, что роспись, сделанная десять лет назад местной ячейкой Центра прикладной урбанистики, давно не существует.

сибирский сдвиг, пограничное состояние», хорошо ощущаемое, по мнению Г. Ревзина, в городе, неожиданно благосклонное упоминание бывшего мэра Хабаровска Соколова вызывают подозрение, что статья написана журналистом по воспоминаниям десятилетней давности. Однако в целом это очень полезные тексты, позволяющие дальневосточникам взглянуть на свои города со стороны. При этой «смене оптики» обнаруживается, что ценным и интересным здесь оказывается только природа. Надо сказать, что самопрезентация региона даёт к этому определённые основания.

От тотемизма к модерну: переформатирование традиционного символического ряда

Вернёмся к текущей реальности. Сегодня основными символами Дальнего Востока являются тигр и медведь. Бесконечное воспроизведение этих тотемных животных и вместе, и порознь всюду окружает дальневосточников, транслируется за пределы региона с помощью мерча и визуальных образов, формируя устойчивый «звериный» (тигр — медведь) ассоциативный ряд, маркирующий восточные территории.

Летучий медведь — первое, что видят гости Хабаровска, выходящие из зоны прилёта нового Хабаровского аэропорта имени Г. И. Невельского, открывшегося осенью 2019 года. Образ «дружелюбного» медведя, персонифицирующего «одомашнивание», «приручение» Wild East, широко используется в интерьерах аэропорта.

Медведица с форелью в зубах (скульптурная группа с неофициальным названием «Здесь начинается Россия») — самый узнаваемый образ Камчатки — встречает гостей полуострова на дороге из аэропорта Елизово в Петропавловск-Камчатский. Готовый к атаке, замерший в напряжённой позе тигр изображён на гербе Владивостока; тигриные образы разной степени реалистичности множество раз

воспроизведены в городском искусстве приморской столицы — от бронзовых тигрят на Пушкинской набережной (самый фотогеничный и растиражированный арт-объект Владивостока) до многочисленных муралов и образцов «наивного» (вернакулярного) творчества.

Весь туристический мерч, продающийся в зонах вылета региональных аэропортов и сувенирных магазинах, посвящён исключительно природной уникальности Дальнего Востока (киты, вулканы, тайга, дикая флора и фауна). Изображения хищных тотемных животных полностью замещают сегодня культурные, «человеческие» символы, укрепляя в коллективном представлении образ Дальнего Востока как «дикого», «первобытного» края, не затронутого цивилизацией. Отчасти этот «территориальный брендинг» работает на имидж региона как территории экологического, природного и экстремального туризма, но подобная маркетинговая стратегия исключает Дальний Восток из общероссийского большого нарратива, оставляя не востребованным и не осмысленным роль наших городов как тихоокеанских форпостов державы. Заметим, что в советскую эпоху делались попытки уйти от образа «Дикого Востока» (по аналогии с американским «Диким Западом»). Самым характерным примером этой новой семантики служит герб Комсомольска-на-Амуре, где на фоне восходящего солнца молодой «Прометей» раздвигает руками дремучую тайгу. Однако в постперестроечный период имидж «дикого края» оказался более коммерчески привлекателен, именно он усердно воспроизводится сегодня.

Не настаивая на преимуществах предложенного «геополитического» концепта Тихоокеанского фасада России, мы склонны считать, что постоянное артикулирование «дикости» и «первобытности» региона не способствует укоренению здесь вестернезированного населения, особенно молодого поколения, ориентированного на преимущества комфортной и благоустроенной городской жизни.

Список использованных источников

1. Прей, Э. Л. Письма из Владивостока, 1894–1930 / Э. Л. Прей ; пер. с англ. А. А. Сапелкина. — 3-е, доп. и испр. изд. — Владивосток : Рубеж, 2011. — 462 с.
2. Ревзин, Г. И. Город в поисках центра. Петропавловск-Камчатский: самая дальняя точка России / Г. И. Ревзин // Коммерсантъ-Weekend. — 2024. — 15 марта.
3. Ревзин, Г. И. Город на парках. Хабаровск: победа деревьев над советским пространством / Г. И. Ревзин. — Текст : электронный // Коммерсантъ-Weekend, 12.04.2024. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6636891>.
4. Ревзин, Г. И. набросок города. Владивосток: освоение пейзажа зоной / Г. И. Ревзин. — Текст : электронный // Коммерсантъ-Weekend, 29.03.2024. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6596735>.
5. Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / Ю. Н. Харари. — Москва : Синбад, 2016. — 520 с.

Материал поступил в редакцию 22.04.2024.

Сведения об авторах:

Иванова Алина Павловна, кандидат архитектуры, доцент Высшей школы архитектуры и градостроительства Института архитектуры, строительства и дизайна Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: 004249@pnu.edu.ru.

Парфута Эльвира Артуровна, магистрант Высшей школы архитектуры и градостроительства Института архитектуры, строительства и дизайна Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: 2018101498@pnu.edu.ru.